

Молодыхенко Евгений Николаевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
emolodychenko@hse.ru

Чернявская Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19
tcherniavskaia@rambler.ru

Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа*

Для цитирования: Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 103–124.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106>

В статье представляются динамика исследовательских подходов 2005–2020 гг. и новые результаты в изучении языка в социуме. Анализируются теоретические положения и методологический инструментарий американских и западноевропейских исследовательских традиций — социолингвистики, лингвистической антропологии и интегрирующих их направлений дискурс-анализа. Современные научные школы и ключевые исследования представлены в США (М. Сильверстин, П. Эккерт, А. Ага), Великобритании (М. Бухольц, К. Холл, Н. Коупленд), Нидерландах (Я. Бломмарт), Австрии (Ю. Шпицмюллер, Б. Соукуп). Как центральные темы фокусируются социальная индексальность языкового знака, репрезентация социальных отношений между коммуникантами, этнометапрагматика и социостиль. Третья волна социолингвистики выдвинула новые задачи: изучение языковой вариативности как инструмента, активно используемого человеком / социальной группой для выражения и конструирования социального мира. Показывается, как реализуется «социальность» человека, активно действующего в социуме, как порождаются семиотические связи между языковым знаком и его социальным значением, как создается устойчивая социальная атрибуция, наблюдаемая через конвенциональные образцы индексальных значений. Индексальность позиционируется как связь языкового знака с контекстом и как способность знака указывать на некоторую переменную этого контекста. Социальная индексальность способна актуализировать социальные смыслы, такие как формы идентичности, обусловленные ими коммуникативные роли и социальные отношения. Обращение к истории развития социолингвистики позволяет продемонстрировать динамику взглядов на связь языковых и семиотических явлений и идентичности: от статического взгляда на идентичность как задаваемую социальной структурой и пассивно демонстрируемую индивидом через набор семиотических ресурсов, включая языковые, до современного понимания идентичности как целенаправленно стилизуемой в конкретных актах

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50208.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

коммуникации. Доказывается, что одну из ключевых ролей в такой гибкости и подвижности играет этнометапрагматика — рефлексивная деятельность групп языкового коллектива по генерированию и переформулированию связей языковых знаков с социальными смыслами. В заключении демонстрируется преемственность данных теорий и методов и идей, высказанных отечественными исследователями в начале и середине XX в.

Ключевые слова: социолингвистика третьей волны, социальная индексальность, метапрагматика, этнометапрагматика, социостиль.

Введение

Представления о языке в социальных контекстах сформированы в разных дисциплинах. Традиционно вопросы, связанные с функционированием языка, были предметом социолингвистики. Собственно, социолингвистика обрела свою предметную специализацию в том, что изучает язык в социальном окружении. Сегодня сложился ряд исследовательских направлений и концепций, которые показывают и изучают образцы языка в действии, языка в употреблении. Исследования, которые изучают сегодня язык в социуме, представлены в социолингвистике, этнографии, лингвистической антропологии и дискурсивном анализе. В этих дисциплинах отчетливо наблюдается использование общих методов и понятийного аппарата. Некоторые из исследовательских подходов стали наиболее влиятельными и заложили национальные научные школы и национальные традиции изучения языка в связи с общественными институтами.

Статья представляет аналитический обзор современных исследований в социолингвистике и дискурсивном анализе и новые результаты в изучении языка в социуме. Анализируется динамика исследовательских подходов, сложившихся в 2005–2020 гг. Теоретический контекст и понятийный инструментарий связан с социолингвистикой третьей волны, соприкасающейся в исследовательских задачах с дискурсивным анализом, лингвистической антропологией. Современные научные школы и ключевые исследования в этом направлении представлены сегодня в США (М. Сильверстин, П. Экерт, А. Ага), Великобритании (М. Бухольц, К. Холл), Нидерландах (Я. Бломмарт), Австрии (Ю. Шпицмюллер, Б. Соукуп). Результаты отражены в публикациях главным образом на английском языке. В русском переводе опубликованы наиболее значимые и ставшие хрестоматийными монографии и статьи американских и западноевропейских исследователей 1970–1990-х гг. Переводы современных публикаций не представлены российскому исследователю вполне. Исключением является изданная в Санкт-Петербурге хрестоматия «Социолингвистика и социология языка» [Вахтин, Головкин 2004]. Эта книга отчасти восполняет существующий пробел, представляя переводы ряда значимых работ по социолингвистике, опубликованных на английском языке с середины XX до начала XXI в.

В предлагаемой статье ставятся следующие задачи:

- определить и проанализировать основные понятия, с которыми на современном этапе работают специалисты, объясняющие язык в социуме, такие как индексальность, социальная индексальность, метапрагматика, идентичность;
- показать новые объяснительные возможности социолингвистики;

- представить, как изучение языковой вариативности становится аналитическим инструментом для исследования выражения и конструирования социального мира человеком / социальной группой;
- показать, как теория и методология социолингвистики и лингвистической антропологии могут дополнить теорию и методологию (критического) дискурсивного анализа;
- представить теоретический контекст и методологическую ретроспективу современных разработок в американских и западноевропейских школах исследования языка через социальную индексальность, их преемственность с идеями о социальной обусловленности мышления, по Р. О. Якобсону, Л. С. Выготскому, М. М. Бахтину, Г. П. Щедровицкому.

Для решения поставленных задач использовались интерпретативный анализ текста, сравнительно-сопоставительный анализ литературы, обзор и обобщение теоретических концепций. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ наиболее значимых теорий и эмпирических исследований в рамках социолингвистики, лингвистической антропологии и социолингвистически и антропологически ориентированной версии дискурс-анализа (напр.: [Blommaert 2005]) с последующим обобщением и синтезированием базовых категорий и аналитического инструментария последних. На основании выделенных в процессе теоретического обзора базовых характеристик был проведен сравнительно-сопоставительный анализ результатов исследований эмпирических работ, использующих теорию и методы социолингвистики, лингвистической антропологии и/или обращающихся к языковым феноменам в их связи с конструированием и выражением идентичности, социальных отношений и — шире — контекста культуры. На заключительном этапе работы был проведен сравнительно-сопоставительный анализ теории и методов социолингвистики, лингвистической антропологии и дискурс-анализа с теоретическими положениями, выдвинутыми отечественными исследователями.

Социолингвистика: три волны в аналитических подходах

Трансформацию взглядов на взаимообусловленность языка и социального контекста, на оппозицию «структура — агентивность» и роль данных факторов в формировании и выражении идентичности можно проиллюстрировать историей развития социолингвистики. Один из вариантов осмысления такой истории был предложен П. Экерт [Eckert 2012], представившей ее в виде трех последовательно сменивших друг друга аналитических парадигм или — иначе — волн¹.

Первая волна социолингвистических исследований складывалась и развивалась преимущественно как вариационный анализ. Считается, что данная волна была инициирована У. Лабовым в 1960-х гг. в его основополагающей работе «Social Stratification of English in New York City» 1966 г. и развивалась далее в 1970-е гг. Исследования этого периода обращены к эмпирическому материалу и разработке методов количественного анализа лингвистической вариативности в связи с основ-

¹ Следует отметить, что такая дифференциация справедлива в случае с социолингвистической традицией в США и западноевропейских стран. См. также критические замечания относительно именно такой дифференциации в [Bell 2016: 402–403].

ными социальными (макросоциальными) категориями, такими как социальный класс, социальный статус, возраст, гендер, этническая принадлежность. В результате сложилось общее представление и «широкий очерк» социоэкономической иерархии, или «лингвистическая карта» социальной структуры общества, см., напр.: [Eckert 2012; Coupland 2007: 32–53].

Такой подход в более широкой перспективе, конечно же, является иллюстрацией того, как в лингвистических и гуманитарных исследованиях делался акцент на полной предопределенности владения языковыми ресурсами «социальной структурой» — т. е. социоэкономическим классом и некоторыми другими «стабильными» типизациями вроде гендера. Единственная форма, в которой агентивность фигурировала в исследованиях Лабова этого периода, может усматриваться лишь в том, что Лабов называл «степенью контроля» индивида над своей речью. Так, в частности, Лабов продемонстрировал, что если поставленная во время социолингвистического интервью задача требует от индивида большего контроля² над речью, фонетические особенности его речи смещаются в сторону «нормативных», т. е. свойственных более высокому социоэкономическому классу; см., напр.: [Coupland 2007: 32–36]. Заметим попутно, что именно (и только) этот тип вариации Лабов называл стилем, что несколько отличается от современного (социолингвистического) представления о данном феномене (см. ниже).

Вторая волна в социолингвистике — хронологически это исследования 1970–1980-х гг. — включила этнографические (этнометодологические) методы анализа связей между лингвистическими и социальными характеристиками. Исследователи переходили в анализе от макросоциальных категорий к локальным языковым сообществам в масштабе региона, города, изучая диалекты, урбанолекты, и далее, в еще меньших масштабах, переходили к анализу языковых сообществ на уровне социальной институции, малой социальной группы — семьи и т. п. [Coupland 2007; Eckert 2012]. Как и в случае с предшествующими разработками, эмпирической основой для систематизации данных стали среди прочего фонетические характеристики, произношение как значимая социальная характеристика³.

Исследования второй волны характеризуются иным взглядом на агентивность. Было продемонстрировано, что «нестандартные» языковые формы могут быть одним из семиотических средств конструирования идентичности некоторой социальной группы и целенаправленно ею используются. Иными словами, была выстроена теоретическая связка между использованием языковых ресурсов и выражением идентичности, хотя последняя на данном этапе все еще рассматривалась как **отражение социальных групп** и категорий, к которым индивид изначально принадлежит.

Данные исследований первой и второй волны позволили выдвинуть новые исследовательские задачи в изучении языковой вариативности как инструмента, активно используемого человеком (социальной группой) для выражения и кон-

² Например, если интервьюируемого просят прочитать вслух печатный текст.

³ Можно привести показательный пример в этой связи — произносительная норма литературного языка, характерная для московского произношения: наличие взрывного согласного «г». Звукосочетание «сч» произносится как (/шʲ/), а сочетания букв «чн», «чт» произносятся как звуки (/шн/) и (/шт/): [шт]о «коне[шн]о, наро[шн]о и т. д. Московское произношение часто противопоставляется петербургскому/ленинградскому.

струирования социального мира. Третья волна маркирует интерес к **процессам конструирования** социальной идентичности в рамках конкретных каждодневных практик, то есть к **процессам стилизации**. Основанием для такого сдвига явилось теоретическое осмысление сущности идентичности как более или менее целенаправленно конструируемой в конкретных социальных актах путем использования разнообразных семиотических ресурсов, соотносимых с теми или иными социальными типизациями. Изучение использования языковых средств как одной из разновидностей таких семиотических ресурсов стало центральной проблемой в рамках социолингвистики третьей волны, а также в лингвистической антропологии и некоторых направлениях дискурс-анализа [Blommaert 2005; 2010; Bucholtz, Hall 2005; 2006; 2008; 2011; Collins 2011; Coupland 2007; Blommaert, De Fina 2017; Eckert 2018; Kecskes 2012; Kroskrity 2000; Stryker, Burke 2000; Soukup 2013; Tannen 2004]. Подобный акцент на способности языковых средств передавать целую гамму значений, не связанных с их денотативными значениями, требует иного подхода к осмыслению сущности языкового знака вообще: в центр внимания выдвигается понятие индекса и социальной индексальности (social indexicality).

Социальная индексальность: к определению понятия

Наиболее простыми примерами индексов являются так называемые референциальные индексы — лингвистические формы, (денотативное) значение которых зависит от определенной переменной контекста. Это личные местоимения «я» и «ты», которые не могут быть «семантически полноценными», если не индексируют конкретных коммуникантов в пределах разворачивающегося коммуникативного эпизода. При этом местоимения пары «ты — Вы» демонстрируют и еще один способ функционирования индексальности: будучи элементами «семантической разбивки», эти местоимения⁴ также указывают на разворачивающиеся в данном коммуникативном акте социальные отношения между коммуникантами или же порождают их.

Социальный смысл и социальная индексальность выходят на первый план в тех социолингвистических разработках, которые фокусируют связь лингвистической вариативности и социальной идентичности человека, его этнического, возрастного, гендерного, образовательного статуса, а также вариативности и целой гаммы не всегда равноправных социальных отношений между коммуникантами, порождаемых благодаря актуализации «макро-социологической разбивки социального пространства» в каждом конкретном (микро) акте коммуникации [Silverstein 2003: 202].

Специфика индексальных «значений»

Приведенные примеры демонстрируют и то, что, если некоторая языковая единица функционирует как индекс, природа такого ее — «социального»⁵ — значения кардинально отличается от природы традиционных денотативных значений

⁴ Точнее, выбор одного из двух данных местоимений коммуникантом.

⁵ Вслед за М. Сильверстином такое значение можно также называть прагматическим (см. далее).

языковых единиц. Социальное/прагматическое значение — это своеобразная «коннотация» языковой единицы, сопутствующая ее денотативному значению⁶, возникающая только в контексте ее употребления, а также характеризующаяся так называемой «индексальностью уровня текста» (*text-level indexicality*) [Agha 2007: 24], т. е. способностью появляться только в комбинации с иными элементами целостного дискурсивного события, частью которого оно является. Поэтому в отличие от коннотативных значений языковых единиц прагматическое/социальное значение часто не поддается типизации и вычленению «инварианта» прагматического значения. Еще одной причиной такой ситуации является то, что индексы имеют свойство «отрываться» от типичного контекста / социального смысла, который они индексируют (что и определяет их значение), и приобретать новый индексальный потенциал [Eckert 2008] по мере того, как они метапрагматически переосмысливают некоторой частью культурного/языкового коллектива.

Движение по уровням индексальности

Подобная идея обсуждалась уже в ранних работах Лабова [Labov 1972], который описал три вида индексов — индикатор, маркер и стереотип. Индикатор, по Лобову, несет «первичное» социальное значение, такое, которое воспринимается как обусловленное наиболее естественной связью между этим индексом и тем контекстом, к которому он отсылает. Индикаторами, к примеру, являются производительные особенности, демонстрируемые представителями того или иного социоэкономического класса. Маркером Лобов называл те же самые элементы в том случае, когда они же участвовали в «стилистическом варьировании»: исследуемые переменные соотносились (как индикаторы) с более низким социоэкономическим классом и в ситуациях, когда от участников эксперимента, по мнению Лабова, требовался «большой контроль» за речевой деятельностью, заменялись фонетическими элементами, свойственными «стандартному произношению». Такое смещение в сторону «стандарта» при переключении контекстов, конечно же, имеет и иное (но комплементарное) объяснение: носители языка демонстрируют рефлексивную осведомленность о более низком статусе их «естественных» производительных норм и в различных коммуникативных контекстах по тем или иным причинам способны переходить на «стандартный» язык. Так, Лобов показал, что представитель более низкого социоэкономического класса вместо статистически более вероятного для представителя данного класса [*tin*] (вместо [*Thing*]) начинал произносить стандартное *thin*, если перед ним ставилась задача прочитать вслух письменный текст или ряды противопоставленных слов, включавших пары слов вроде *tin* и *thing*. Аналогичная ситуация складывалась в случае с характерным для (американского) английского появлением явного призвука *r* в словах вроде *apartment*: интервьюируемые начинали произносить более стандартное [*apartment*] вместо менее стандартного [*apahtment*]. При этом Лобов объяснял это тем фактом, что подобные задания «вынуждают» интервьюируемого уделять больше внимания производству речи. М. Сильверстин же предположил, что смещение в сторону стандарта происходит скорее потому, что для интервьюируемого искусственно моделируют иной «разряд

⁶ Очевидно, что в случае с такими типичными для социолингвистики индексами, как производительные нормы, о денотативном значении/семантике невозможно говорить и вовсе.

индексальности» (в терминах Я. Бломмарта; см. далее) и он осознает, что его естественная произносительная норма в данном контексте неуместна.

Подобные «переключения», как показали последующие исследования, являются вполне типичными для носителей языка при смене контекстов. Н. Коупланд показал, как сотрудница турбюро рутинно переключается между вариантами английского языка разной степени «стандартности» при разговоре с клиентами по телефону и с коллегами в том же офисе. Фонетические особенности речи объекта исследования варьировались как минимум по нескольким параметрам, таким, например, как присутствие или отсутствие явного звука [h] в словах вроде *him*. При этом уровень стандартности также варьировался в зависимости от того, к какому социоэкономическому классу, по мнению сотрудницы, принадлежал клиент на другом конце провода [Coupland 2007: 69–73].

В процессе использования языка также возникает устойчивое, типизированное соединение некоторых форм и их социального употребления, узнаваемое как характеристика определенных стоящих за данными формами социальных типизаций. Такие формы Лабов назвал стереотипами. Наиболее очевидный пример в данном случае — специфические акценты, часто «склеившиеся» со стереотипными характеристиками носителей этих акцентов. Такая ситуация порождает широкий диапазон возможностей для использования акцентов в художественных целях. Так, в книге, посвященной акцентам английского языка, Д. Кристал и Б. Кристал, среди прочего, обсуждают закрепившееся за бирмингемским акцентом представление о глупости, нечестности и вульгарности его носителей. Такая ситуация позволяет, в частности, эксплуатировать данный акцент в различных шоу, если перед продюсерами стоит задача показать героя как, например, не очень умного [Crystal, Crystal 2015: 42–53]. Аналогичным образом авторы отмечают, что многие злодеи в голливудских фильмах говорят на классической версии британского английского — так называемом языке королевы, или “received pronunciation” [Crystal, Crystal 2015: 73–77].

Представления о социальном значении как социальном индексировании глубоко разработаны в исследованиях американского антрополога и семиотика М. Сильверстина [Silverstein 1976; 1979; 1993; 2001; 2003] и получили дальнейшее развитие в исследованиях Бломмарта, Шпицмюллера [Blommaert 2005; Spitzmüller 2013; 2015]. Сильверстин показал, что предложенное Лабовым деление на индикаторы, маркеры, стереотипы является частным случаем общей закономерности функционирования индексальности: любые индексы уровня N, т.е. связанные наиболее естественным образом со своим исходным контекстом, всегда рискуют быть (метапрагматически) переосмыслены на уровне N + 1 как индексующие что-то еще⁷.

Метапрагматика

Во всех обсуждаемых в статье процессах одну из ключевых ролей играет так называемая метапрагматика. Термин был введен в активное использование Сильвер-

⁷ Ср. у Сильверстина: «...for any indexical phenomenon at order *n*, an indexical phenomenon at order *n* + 1 is always immanent, lurking in the potential of an ethno-metapragmatically driven native interpretation of the *n*-th-order paradigmatic contextual variation that it creates or constitutes as a register phenomenon» [Silverstein 2003: 212].

стином как расширение объема анализируемых лингвистом проявлений человеческой рефлексии над процессуальностью языка и коммуникации. Такую рефлекссию можно представить как минимум в виде двух взаимосвязанных явлений. В наиболее актуальном для представленных здесь рассуждений виде метапрагматику (или этно-метапрагматику) следует понимать как **любую** рефлексивную деятельность языкового коллектива по отношению к используемым данным языковым коллективом или какими-то его отдельными группами языковых форм. Иными словами, приставка *мета-* обозначает здесь рефлекссию на тему прагматического (социального) значения некоторой формы или форм.

Именно такая деятельность лежит в основе приобретения языковыми формами новых социальных значений при ее переосмыслении на уровне $N + 1$. Так, например, на уровне N связь языковой формы с определенными социальными сферами и ситуациями использования, которая отмечается и регистрируется внешними наблюдателями (например, исследователем в лингвистическом анализе), остается неосознаваемой как таковая для использующего язык человека: он/она не осознает, что говорит по-особому, маркируя свою принадлежность к социальной группе, социальному статусу, т.е. не способен метапрагматически отрефлексировать социальные смыслы, связанные с используемыми им формами. Если же, к примеру, носитель данных форм не только (метапрагматически) осознает маркированность данных форм принадлежностью к определенному классу, но и, скажем, их меньшую престижность по отношению к стандарту, то речь уже стоит вести об уровне $N + 1$. Теоретически такие оценочные смыслы, связанные с языковыми формами на уровне $N + 1$, могут подвергнуться дальнейшему этно-метапрагматическому осмыслению, например если формы, ассоциируемые с рабочим классом, получают позитивную (ре)интерпретацию как более «маскулинные» и начнут употребляться представителями среднего класса, ср. подобные примеры в [Coupland 2007: 106–145]. Этот же вид рефлексии является ключевым для существования и изменения регистров (см. ниже). Отдельным случаем этно-метапрагматики являются лингвистические идеологии.

Второе понимание метапрагматики также преимущественно ассоциируется с именем Сильверстина. Это метапрагматическая модель, которая всегда разворачивается в контекстуализированном дискурсе. Метапрагматическая модель — это целостное представление о том, что «происходит» в данном коммуникативном событии; такая модель придает целостность и организованность различным элементам поверхностной структуры, несущим как денотативное, так и социальное/прагматическое (см. выше) значение. Метапрагматический взгляд на коммуникативную ситуацию, используемые в ней языковые ресурсы и передаваемые смыслы, всегда сопровождает нашу коммуникативно-речевую деятельность. Без метапрагматической активности, идущей синхронно с коммуникацией, не может быть связности и согласованности взаимодействия вообще, поскольку именно метапрагматическая деятельность создает саму структуру связности. Ср.: Without a metapragmatic function simultaneously in play with whatever pragmatic function(s) there may be in discursive interaction, there is no possibility of interactional coherence, since there is no framework of structure — here, interactional text structure [Silverstein 1993: 36–37].

Подход Сильверстина последовательно опирается на идеи Якобсона и подчеркивает научную преемственность с ними [Jacobson 1960; 1980].

Исследования показывают на разном эмпирическом материале, как в конкретной коммуникативной практике индексы «первого уровня» приобретают иные социальные смыслы, метапрагматически переосмысляясь определенными группами населения. Например, показателен используемый в современной Германии социолект «кицдойч» (*Kiezdeutsch, Türkendeutsch*) — новый диалект немецкого языка, для которого характерны упрощение грамматических структур и заимствования из турецкого языка. Социолект использует главным образом молодежь в мультиэтнических районах, граждане Германии турецкого происхождения во втором и третьем поколении. Сегодня он стал в том числе выражением дискурсивной компетенции «своих», знаком групповой идентичности и особого общественного статуса. Использование «кицдойч» рассматривается не как проявление недостаточной языковой компетентности носителя немецкого языка, но как распознавание «своих». Это особенно заметно и показательно в ситуациях, когда наблюдаемо переключение кода и переход с литературного немецкого языка на «кицдойч» как индекс общения со своими. Коммуниканты понимают, что значит для них переключение кода и переход на альтернативный языковой ресурс [Spitzmüller 2013: 267].

Есть исследования, проведенные на материале телевизионных ток-шоу, показывающие, как в современном австрийском обществе носители стандартного австрийского немецкого языка переходят на использование австро-баварского диалекта, чтобы выразить негативное отношение к собеседнику, оппоненту в разговоре. Использование диалекта, его фонетических и лексических особенностей, ставится в связь с такими социальными характеристиками человека, как низкий уровень образования и социального положения. Переход говорящим со стандартного языка на диалект сигнализирует, что участники коммуникативного акта усматривают такие характеристики у собеседника и указывают на них, используя диалектную форму языка [Soukup 2013].

Упорядоченность индексов в регистрах/социостилиях

Индексы и индексальные значения упорядочены как минимум в двух смыслах. Во-первых, они тесно связаны с характеристиками людей на уровне макросоциальных категорий (гендер, возраст, профессия, статус) и социальных групп. Семиотические средства могут систематически воспроизводиться и создавать устойчивую социальную атрибуцию. Это значит, что языковая форма воспринимается как принадлежащая кому-либо/чему-либо, характерна для определенной социальной группы: «так говорят женщины, москвичи, петербуржцы, студенты, пользователи интернета» и т. д. Во-вторых, конкретные маркеры социальных значений не существуют независимо друг от друга, но образуют сложные кластеры, как правило, включающие иные языковые маркеры, а также маркеры в иных семиотических системах. Например, высокий социоэкономический класс могут проецировать как дорогой костюм, так и «элитный» акцент вроде уже упомянутого ранее британского *received pronunciation* [Agha 2007: 207–219; Agha 2011]. Такие более или менее упорядоченные комбинации разнородных элементов, способных индексировать определенный социотип, получили название социостилей [Coupland 2007], или регистров [Agha 2007]. Важно при этом отметить, что первый тип упорядоченности, как правило, «работает» при наличии второго типа: для того, чтобы некоторый

маркер однозначно индексирует определенную категорию индивидов (студенты, петербуржцы и пр.), как правило, необходимо несколько маркеров из диапазона одного регистра [Eckert 2008].

Подвижность и изменчивость регистров

Концепция Сильверстина получила новый акцент в работах Бломмарта, который также использует понятие «разряды индексальности» (orders of indexicality). Для Бломмарта индексальные значения интересны не столько как укоренившиеся социальные разновидности языка, сколько как динамичные маркеры социальных процессов, показывающие подвижность связей социальных конфигураций и отношений участников коммуникации. Это показывает главную отличительную черту социолингвистических разработок третьей волны. В этот период привносится новый ракурс, меняющий прежние представления, сформировавшиеся на ранних этапах социолингвистики, о том, что лингвистические вариативности устойчиво закреплены, ср.: [Eckert 2012: 93]. По сравнению с первой и второй волнами социолингвистики сделан новый шаг в сторону динамики лингвистической практики. Лингвистическая вариативность не рассматривается как маркер зафиксированного социального значения. Наоборот, основное качество лингвистической вариативности — в ее подвижности и изменчивости (indexical mutability), которая достигается в процессе осознания социальной маркированности лингвистической формы [Eckert 2012: 94]. Как отдельные индексы, так и целые регистры никогда не являются «однозначными» и «завершенными». Во-первых, способностью распознать некоторый регистр (и его отдельные составляющие) обладает всегда только часть языкового/культурного коллектива. Во-вторых, как и любые другие семиотические явления, состав регистров и связанные с ними смыслы всегда находятся в состоянии «переформулирования» по мере того, как элементы регистра утрачивают связанные с ними смыслы и/или приобретают новые⁸. При этом связанные с некоторым регистром или отдельными элементами социальные смыслы могут меняться не только с течением времени, но и при простой смене контекста. Например, бирмингемский акцент будет звучать как менее престижный только для тех, кто знаком с его «социальным багажом» (этнометапрагматикой). Для среднестатистического русского (а скорее всего, и для американца или австралийца) он будет звучать как «изысканный британский акцент». Это утверждение подтверждается и другими исследователями: большинство иностранцев описывают данный акцент как «мелодичный» и «музыкальный» [Crystal, Crystal 2015: 46].

Индексальные значения важны еще и потому, что именно благодаря актуализации многочисленных индексов в процессе развертывания дискурса происходит так называемая контекстуализация и высказывание/дискурс приобретает свой смысл. Как пишет Бломмарт, в коммуникативном акте возникает индексальное значение, или социально обусловленное значение, то есть «интерпретативная связка между тем, что сказано, и социальным событием, в котором порождается высказывание», ср.: «Interpretive leads between what is said and the social occasion in which it is being produced» [Blommaert 2005: 11, 40].

⁸ В этом смысле языковые маркеры не отличаются от любых иных объектов-знаков [Molodychenko 2019; Молодыченко 2020].

Именно поэтому большинство исследований в рамках социолингвистики третьей волны увидели свое поступательное движение в том, чтобы перенести внимание на изучение лингвистической вариативности в точку взаимодействия производства и восприятия высказывания. В совместной статье «Phonetics, phonology and social meaning» П. Экерт и В. Лабов сформулировали, что участники коммуникации неизбежно вовлечены в ситуативно обусловленный процесс осмысления (контекстуализацию) и поэтому воспринимают значение как следствие их восприятия контекста высказывания: «This explains quite readily why hearers perceive meanings as a function of their perceptions of the context of utterance» [Eckert, Labov 2017: 471]. В книге Экерт также замечается: чтобы социолингвистическая вариативность могла работать как социальный индекс, необходимо, чтобы слушатель распознал, что знак индексален, и истолковал, на какой именно контекст использованная форма указывает, ср.: «...the hearer must recognize that the sign is indexical, and must construe what exactly in the context the form is pointing to» [Eckert 2018: 165].

Распознавание социального значения (социальной индексальности) со стороны слушателя предполагает два обстоятельства: он должен распознать (признать существующим) наличие контрастивных лингвистических форм, и он должен поставить в связь вариативность форм и социальное значение, возникающее в данном контексте употребления. Иными словами, распознавание социальных смыслов требует знакомства с соответствующими регистрами (см. выше). Например, как известно, узнаваемым сигналом, работающими как контекстуальная привязка к сетевой среде общения, стало в свое время приветствие «Доброго времени суток», вытеснившее у пользователей интернета «Здравствуйте» или «Добрый день/вечер» и др. Однако такая связка с сетевой средой и любые иные возможные социальные смыслы будут узнаваемы не всеми группами культурного/языкового сообщества.

В изучении социальной индексальности существенное значение имеет рецептивная проекция. Взгляд со стороны адресата/слушателя имеет ключевое значение для утверждения динамического характера смыслопорождения вообще. Взгляд на социальное значение через призму социальной индексальности показывает, что оно, социальное значение, не зафиксировано, но всегда выступает в опосредованной и идеологически нагруженной коммуникации, см., напр.: [Blommaert 2015; Silverstein 2003: 202]. Использование языковых ресурсов динамично осмысливается человеком в процессе коммуникации как адекватное для взаимопонимания с другим(и).

Стилизация и идентичность как социальное позиционирование

Социолингвистика третьей волны создала дополнительный фокус на стилистической организации высказывания и на новом этапе выдвинула вперед понятие «стиль», «стилистическая практика». Многие исследователи работают с понятием стиль, отвечая на вопрос, что является узнаваемым, определяющим в использовании разного рода семиотических ресурсов и языковой вариативности в первую очередь. Традиционно именно стилистика — стилистика текста — выдвигала в центр внимания характеристики языковой личности, которая с разной мерой осознанности и целенаправленности использует язык. Рассматривалось, как стилистическая информация сопровождает и маркирует коммуникативный процесс, передает

индивидуальные и социальные характеристики человека. Акцент на стилистической практике усиливает представления о деятельной стилистической агентивности. Участники коммуникации показываются не как пассивные носители диалекта, но как субъекты, которые делают осознанный выбор языкового ресурса внутри ситуации и буквально выкраивают лингвистические стили в постоянно идущих процессах социальной дифференциации и самоидентификации себя на фоне другого, ср.: «...places speakers not as passive and stable carriers of dialect, but as stylistic agents, tailoring linguistic styles in ongoing and lifelong projects of self-construction and differentiation» [Eckert 2012: 97–98].

Акцент на стилизации в социолингвистических исследованиях среди прочего сопутствовал, а возможно, и способствовал, изменению взглядов на сущность понятия «идентичность» и предоставил новые аналитические перспективы и инструменты ее исследования. Во-первых, идентичность перестает осмысляться как «задаваемая» структурой: на смену этому представлению приходит представление об идентичности как целенаправленно формируемой (стилизуемой)⁹. Во-вторых, установлено, что выделение только языковых маркеров в составе некоторого стиля/регистра является недостаточным, в стилизации могут участвовать многие различные объекты-знаки¹⁰, которые становятся «эмблемами» определенной социальной типизации. «Эмблемами» или «узнаваемыми эмблемами» А. Ага называет любые материальные объекты-знаки, «соединившиеся» с какой-либо социальной типизацией [Agha 2007]. Как и ранее, важно также заметить, что «узнаваемость» эмблемы не является абсолютной: только часть культурного коллектива будет знакома с закрепившимися за объектом-знаком смыслом. Стоящие за «эмблемами» социальные типизации также могут быть совершенно различными по своему охвату и стабильности в течение жизни индивида. Так, например, гендерная идентичность будет более стабильной нежели идентичность «студент».

Одним из вариантов осмысления такого фрагментированного и комбинированного характера идентичности является использование введенной в гуманитарную науку М. М. Бахтиным категории хронотопа. Как указывают А. Де Файна и Бломмарт, разные аспекты идентичности формируются в рамках различных хронотопов и в рамках различных же хронотопов становятся востребованы. Хронотопы, далее, разворачиваются с разной скоростью и имеют разный масштаб. Например, идентичность «студент» формируется в особом хронотопе «студенческие годы» и накладывается при этом, к примеру, на классовую идентичность, сформированную в хронотопе ранней социализации [Blommaert, De Fina 2017]. Аналогичным образом контексты, в которых идентичность выражается, также являются разными хронотопами и требуют от субъекта мобилизации разных семиотических ресурсов в соответствии с нормами (в том числе и разрядами индексальности) данного хронотопа. Например, начальник может проецировать форму идентичности «начальник» в хронотопе офиса и какую-либо иную форму в хронотопе посещения бара с коллегами после работы в «неформальную пятницу» [Blommaert, De Fina 2017].

⁹ В этой связи см.: [Молодыхченко 2017].

¹⁰ В условиях современного (западного) общества потребления, как известно, одним из важных семиотических ресурсов проекции идентичности являются предметы потребления.

Лингвистическая идеология

Новым шагом и значимым результатом социолингвистических разработок после 2000-х гг. стало выдвигание понятия *языковая, или лингвистическая, идеология* (*language ideology*) как аналитического инструмента для изучения социальной адресованности и индексальности [Irvine, Gal 2000; Kroskrity 2006; Spitzmüller 2015]. Понятие языковой идеологии стало особенно продуктивным в публикациях 2010–2020-х гг.¹¹

Языковая идеология основана на социальном опыте человека, изучает лингвистическую вариативность как средство выражения социальной стратификации и социальной иерархии. Использование языковой вариативности, диалектальных форм поддерживает групповую, клановую идентичность. В исследовании [Kroskrity 2006] и более ранних показано, как языковая вариативность выступает средством выражения этнической идентичности на примере использования языка тева (*te'e hiili, kiva speech*) — одного из таноанских языков индейских народов на территории Америки. Коренные американцы хоппи-тева говорят на трех языках — тева (*Arizona Tewa*), хоппи и английском, при этом поддерживают строгое разделение языков. Язык тева выступает как престижный языковой код, связанный с теократической элитой, его использование маркирует принадлежность к коренному народу и поддерживает этническую идентичность [Kroskrity 2006: 510].

Лингвистическая вариативность считается выражением языковой идеологии в том смысле, что эффекты от использования вариативных форм языка становятся значимыми в связи с возрастной, гендерной, этнической, социально-статусной спецификой коммуникантов. Лингвистические формы рассматриваются как отражение и выражение широкого культурно-специфического представления человека о себе. Изучение языковой идеологии участника коммуникации опирается на лингвистические явления как очевидное свидетельство эстетических, эмоциональных и моральных различий среди социальных групп. В своем целеполагании изучать язык как выражение групповых интересов использующих его людей концепции языковой идеологии сближаются с другим исследовательским подходом — критической лингвистикой (*Critical Linguistics*), критическим дискурс-анализом (*Critical Discourse Analyses, CDA*).

Проекция языковой идеологии является определяющей и для понимания упомянутых ранее разрядов индексальности. Вот как это объясняет Бломмарт:

Используя язык, говорящие демонстрируют свою обращенность к разрядам индексальности — систематически воспроизводимым, стратификационным смыслам, называемым часто нормами или правилами языка и обычно предполагающими существование определенных разновидностей языка (т. е. языкового «стандарта», престижной его разновидности, типичного способа общения с друзьями и т. п. <...> Стратификация играет здесь ключевую роль: мы имеем дело с системами, которые создают неравенство через приписывание языковым формам различных индексальных значений (например, путем признания использования диалектных разновидно-

¹¹ К числу основных более ранних работ относятся Jane H. Hill. *The Grammar of Consciousness and the Consciousness of Grammar*, 1985; *When Talk Isn't Cheap: Language and Political Economy*, 1985; Kathryn A. Woolard. *Language Variation and Cultural Hegemony: Toward an Integration of Sociolinguistic and Social Theory*, 1985.

стей языка в публичной коммуникации «непрестижным», а использование стандартного языка «престижным» [Blommaert 2005: 73]¹².

Концепция идеологии языка имеет отчетливую ориентацию на практику использования языка и иных семиотических ресурсов и используется как альтернатива понятию «культура». Сложившиеся представления о культуре определяют ее как дискурсивно порождаемую систему ориентиров и границ, в которых одна коммуникативно-речевая практика отличается от другой. Для участников коммуникации в социальном пространстве культура задает устойчивые нормы и ценностные представления о должном, допустимом, приемлемом. Понятие «культура» объясняет, что определенные значения и смыслы обеспечивают социальное взаимодействие только в том случае, когда они задают надындивидуальные ориентиры и рамки [Duranti 2003; Куссе, Чернявская 2019; Чернявская 2020; Chernyavskaya 2020]. Языковая идеология — это своего рода методологический противовес, используемый сегодня для изучения сосуществующих в коммуникативной практике идей, моделей, значений [Kroskrity 2006: 496].

Теоретическая ретроспектива

Изучение социальной индексальности, ставшее резонансным в последние годы в связи с американскими и западноевропейскими исследовательскими школами социолингвистики, имеет глубокую традицию и фундамент. Они созданы в работах Л. С. Выготского, М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, Г. П. Щедровицкого. Концепции социальной репрезентации человека через язык опираются на представления о «сознании в социуме» ('mind in society'), если использовать здесь формулировку из названия работы Выготского (Vygotsky 1978). Семиотически ориентированная теория сознания русского психолога предвосхитила ключевые тенденции современного этапа и заложила фундамент тех положений, которые сегодня стали связываться с дискурсивным анализом и интеракциональной социолингвистикой. Выготский сформулировал принцип социальной детерминированности поведения, осуществляемого с помощью знаков: «Знак всегда первоначально является средством социальной связи, средством воздействия на других и только потом оказывается средством воздействия на себя» [Выготский 1983: 141]. Это положение впоследствии было глубоко отрефлексировано и разработано Бахтиным и Волошиновым как «социология слова». Показано, что слово — основной и наиболее чувствительный социальный индекс, выявляющий социальную динамику.

Слово... возникает из внесловесной жизненной ситуации и сохраняет самую тесную связь с ней. <...> Всякое действительно произнесенное (или осмысленно написанное), а не дремлющее в лексиконе слово есть выражение и продукт социального

¹² Ср. в оригинальной формулировке: While performing language use, speakers [...] display orientations towards orders of indexicality — systematically reproduced, stratified meanings often called norms or rules of language and always typically associated with particular shapes of language (i.e. the 'standard', the prestige variety, the usual way of having conversation with my friends etc.). [...] Stratification is crucial here: we are dealing with systems that organize inequality via the attribution of different indexical meanings to language forms (e. g. by allocating 'inferior' value to the use of dialect varieties and 'superior' value to standard varieties in public speech) [Blommaert 2005: 73].

взаимодействия трех: говорящего (автора), слушателя (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят. Слово — социальное событие [Волошинов 2000: 77; 83].

Слово по природе социально. Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда социального общения... слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило [Бахтин 2000: 99].

Новый подход и новый понятийный инструментарий в осмыслении рефлексивной деятельности человека создавали в 1980–1990-е гг. Г. И. Богин [Богин 1995] и Г. П. Щедровицкий — российский философ и методолог. Высказанная Щедровицким в 1972 г. мысль о том, что «основные проблемы человеческого мышления связаны отнюдь не с “природой” и ее тайнами, а прежде всего с “культурой” и ее тайнами, с нашими смыслами и значениями, определяемыми в первую очередь социальными отношениями», [Щедровицкий 2005: 65–66] фактически определила предмет и исследовательскую повестку в рамках современной культурной антропологии, дискурсивного анализа, интеракциональной социолингвистики. Тема понимания и рефлексии и их органической связи была сквозной в разработках Щедровицкого с 1980-х гг. Щедровицкий сделал коммуникацию центральным предметом изучения и представил ее «не как абстрактное и крупноблочное понятие», но как пространство для организации человеческого мышления, в котором «мысль видна на уровне ситуативного действия» [Щедровицкий 2005: 447]. Ученый использовал яркие образные понятия: «мысль-коммуникация», «мыследействие, которое обволакивает коммуникацию». При этом мышление анализировалось как «культурная общечеловеческая работа по развертыванию средств выражения, именно — знаковых форм, конструктивное и прогностически ориентированное развертывание» [Щедровицкий 2005: 473]. По Щедровицкому, рефлексия занимает основополагающую позицию в когнитивной деятельности и она, рефлексия, обеспечивает смысловое приращение. Это выразительно раскрывает следующая цитата:

Процесс понимания соотносит полученный текст с ситуацией, включает ее... (представим себе, что из глаза выходит лучик света, который обегает все эти моменты; прикрепим к этому лучику кисточку с черной краской, и следы, которые он будет оставлять, образуют структуру). Эта структура, стягивающая все значимые элементы, и есть то, что мы называем смыслом из рефлексивной позиции... Смысл — это то, что возникает после и в результате процесса понимания [Щедровицкий 2005: 707].

Щедровицкий одним из первых показал, что рефлексия в коммуникации — это та стяжка, которая объединяет значение, зафиксированное в системе языка, практику употребления и коммуникативный опыт человека, который знает и узнает ситуацию.

Заключение

В современной социолингвистике, или, точнее, в социолингвистике третьей волны, создан исследовательский фокус, во-первых, на социальной индексальности и, во-вторых, на контекстуализации. Значимо и весомо то, как социолингвистика, опираясь на свой понятийный аппарат и исследовательский инструментарий, создала

разворот в сторону изучения социального значения в динамике. Интеракциональность означает, что получатель сообщения должен установить связь лингвистической вариативности и контекста употребления такой и не иной формы. Разработки в социолингвистической проекции утверждают динамический характер социального значения и со своей теоретической платформы указывают на необходимость процессуального ракурса в объяснении понимания в социальных контекстах.

Индексальность в широком смысле позиционируется как связь языкового знака с контекстом и как его способность указывать на некоторую переменную этого контекста. Социальная индексальность, соответственно, рассматривается как способность знака актуализировать социальные смыслы, такие как формы идентичности, обусловленные ими коммуникативные роли и социальные отношения. По аналогии с семантикой социальная индексальность позиционируется как социальное значение знака — специфический тип значения, не равный, однако, и не уподобляемый традиционным денотативным значениям знаков как символов. Обращение к истории развития социолингвистики позволяет продемонстрировать динамику развития взглядов на связь языковых явлений и семиотических явлений вообще и идентичности: от статического взгляда на идентичность как задаваемую социальной структурой и пассивно демонстрируемую индивидом через набор семиотических ресурсов, включая языковые, до современного понимания идентичности как целенаправленно стилизуемой в конкретных актах коммуникации. Иллюстрируется гибкость и подвижность социальных значений — неравномерное знакомство с ними различных групп языкового коллектива, их изменчивость во времени и зависимость от конкретных контекстов. Одну из ключевых ролей в такой гибкости и подвижности играет так называемая этнометапрагматика — рефлексивная деятельность групп языкового коллектива по генерированию и переформулированию связей языковых знаков с социальными смыслами.

Литература

- Бахтин 2000 — Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского [1929]. В кн.: Бахтин М. М. *Собрание сочинений*. В 7 т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
- Богин 1995 — Богин Г. И. Интенциональность как направленность рефлексии. В сб.: *Мысли о мыслях. Т. III: Интеллектуальные системы: освоение и развитие*. Ч. 2: Семиотические структуры мышления. Новосибирск: [Б. и.], 1995. С. 86–102.
- Вахтин, Головки 2004 — Вахтин Н. Б., Головки Е. В. *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия*. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
- Волошинов 2000 — Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики (1926). В кн.: *М. Бахтин (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи*. М.: Лабиринт, 2000. С. 72–94.
- Выготский 1983 — Выготский Л. С. Проблемы развития психики. В кн.: *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
- Молодыхенко 2017 — Молодыхенко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2017, 8 (3): 122–133.
- Молодыхенко 2020 — Молодыхенко Е. Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности. *Russian Journal of Linguistics*. 2020, 24 (1): 117–136.

- Чернявская 2020 — Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 135–147.
- Щедровицкий 2005 — Щедровицкий Г.П. *Мышление, понимание, рефлексия*. М.: Наследие ММК, 2005.
- Agha 2007 — Agha A. 2007. *Language and Social Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Agha 2011 — Agha A. Commodity Registers. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2011, 21 (1): 22–53.
- Bell 2016 — Bell A. Succeeding waves: Seeking sociolinguistic theory for the twenty-first century. In: *Sociolinguistics: Theoretical debates*. Coupland N. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P.391–416.
- Blommaert 2005 — Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Blommaert 2010 — Blommaert J. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Blommaert 2015 — Blommaert J. Meaning as a Nonlinear Effect: The Birth of Cool. *AILA Review*. 2015, (28): 7–27. <https://doi.org/10.1075/aila.28.01blo>
- Blommaert, De Fina 2017 — Blommaert J., De Fina A. Chronotopic Identities: On the Timespace Organization of Who We Are. In: *Diversity and Super-diversity. Sociocultural Linguistic Perspectives*. De Fina A., Wegner J., Ikizoglu D. (eds). Washington: Georgetown University Press, 2017. P.1–15.
- Bucholtz, Hall 2005 — Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach. *Discourse Studies*. 2005, 7 (4–5): 585–614. <https://doi.org/10.1177/1461445605054407>
- Bucholtz, Hall 2006 — Bucholtz M., Hall K. Language and Identity. In: *A Companion to Linguistic Anthropology*. Duranti A. (ed.). Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P.369–394.
- Bucholtz, Hall 2008 — Bucholtz M., Hall K. All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics. *Journal of Sociolinguistics*. 2008, 12 (4): 401–431.
- Bucholtz, Hall 2011 — Sociolinguistics and linguistic anthropology: Strengthening the connections. Bucholtz M., Hall K. (eds). *Special issue of Journal of Sociolinguistics*. 2011, 12 (4): 401–545.
- Chernyavskaya, Nefedov 2021 — Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T. Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? In: *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2021, (46): 1–21.
- Collins 2011 — Collins J. Indexicalities of language contact in an era of globalisation: Engaging with John Gumperz’s legacy. *Text & Talk*. (In Honour of John Gumperz. Special issue.) 2011, 31 (4): 407–428.
- Coupland 2007 — Coupland N. *Style: Language variation and identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Coupland, Jaworski 2009 — *The New Sociolinguistics Reader*. Coupland N., Jaworski A. (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Crystal, Crystal 2015 — Crystal D., Crystal B. *You Say Potato: The Story of English Accents*. London: Pan Macmillan, 2015.
- Chernyavskaya 2020 — Chernyavskaya V. Misplaced in contexts, lost in meaning. Context Change as a Cause for Social Misunderstandings: The Case of Kaliningrad and Königsberg. *Zeitschrift für Slavistik*. 2020, 65 (4): 569–584.
- Duranti 2003 — Duranti A. Language as culture in US anthropology. *Current Anthropology*. 2003, 44: 323–347.
- Eckert 2008 — Eckert P. Variation and the Indexical Field. *Journal of Sociolinguistics*. 2008, 12 (4): 453–476. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2008.00374.x>
- Eckert 2012 — Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation. *Annual Review of Anthropology*. 2012, 41 (1): 87–100. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092611-145828>
- Eckert 2018 — Eckert P. *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Eckert, Labov 2017 — Eckert P., Labov W. Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*. 2017, 21 (4): 467–496.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. Kroskrity P.V. (ed.). *Regimes of Language*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P.35–83.

- Jakobson 1960 — Jakobson R. Closing statement: linguistics and poetics. In: *Style in Language*. Sebeok T. A. (ed.). Cambridge: MIT Press, 1960. P. 350–377.
- Jakobson 1980 — Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem. *The Framework of Language*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1980. P. 81–92. (First publ. — 1957.)
- Kecskes 2012 — Kecskes I. Sociopragmatics and cross-cultural and intercultural studies. In: *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Allan K., Jaszczolt K. M. (eds). Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 599–616.
- Kroskrity 2000 — Kroskrity P. V. Language Ideologies in the Expression and Representation of Arizona Tewa Ethnic Identity. In: *Regimes of Language*. Kroskrity P. V. (ed.). Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 329–359.
- Kroskrity 2006 — Kroskrity P. V. *Language Ideologies. A Companion to Linguistic Anthropology*. Duranti A. (ed.). Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2006. P. 496–517.
- Labov 1972 — Labov W. Sociolinguistic Pattern. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
- Molodychenko 2019 — Molodychenko E. N. “Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*. 2019, (59): 67–86. <https://doi.org/10.17223/19986645/59/5>
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description. In: *Meaning in Anthropology*. Basso K. H., Selby H. A. (eds). Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976. P. 11–55.
- Silverstein 1979 — Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology. In: *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Clyne P. R., Hanks W. F., Hofbauer C. L. (eds). Chicago: Chicago Linguistic Society: 1979. P. 193–247.
- Silverstein 1993 — Silverstein M. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function. In: *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Lucy J. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 33–58.
- Silverstein 2001 — Silverstein M. The Limits of Awareness. In: *Linguistic Anthropology: A Reader*. Duranti A. (ed.). Oxford: Blackwell, 2001. P. 386–401.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life. *Words and Beyond: Linguistic and Semiotic Studies of Sociocultural Order*. 2003, 23 (3): 193–229. [https://doi.org/10.1016/S0271-5309\(03\)00013-2](https://doi.org/10.1016/S0271-5309(03)00013-2)
- Soukup 2013 — Soukup B. Austrian dialect as a metonymic device: A cognitive sociolinguistic investigation of Speaker Design and its perceptual implications. *Journal of Pragmatics*. 2013, (52): 72–82.
- Spitzmüller 2013 — Spitzmüller J. Metapragmatik, Indexikalität, soziale Registrierung. Zur diskursiven Konstruktion sprachideologischer Positionen. *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2013, (3): 263–287.
- Spitzmüller 2015 — Spitzmüller J. Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach. *Social Semiotics*. 2015, 25 (2): 126–141.
- Stryker, Burke 2000 — Stryker Sh., Burke P. J. The Past, Present, and Future of an Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*. 2000, 63 (4): 284–297. <https://doi.org/10.2307/2695840>
- Tannen 2004 — Tannen D. Interactional sociolinguistics/Interaktionale Soziolinguistik. In: *Sociolinguistics/Soziolinguistik*. Vol. 1. Ammon U., Dittmar N., Mattheier K. J., Trudgill P. (eds). New York; Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 76–88.
- Vygotsky 1978 — Vygotsky L. S. *Mind in Society. The Development of higher psychological processes*. Cambridge: Harvard University Press, 1978.

Статья поступила в редакцию 24 января 2021 г.
Статья рекомендована к печати 29 ноября 2021 г.

Evgeni N. Molodychenko

HSE University,
16, ul. Soyuza Pechatnikov, St Petersburg, 190121, Russia
emolodychenko@hse.ru

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St Petersburg Polytechnic University,
19, Politechnicheskaya ul., St Petersburg, 196135, Russia
tcherniavskaia@rambler.ru

Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis

For citation: Molodychenko E. N., Chernyavskaya V. E. Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (1): 103–124. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106> (In Russian)

The article reviews research traditions and new findings pertaining to the issue of ‘language in society’ over the period from circa 2005 to 2020. Specifically, we discuss some of the tenets and analytical toolkits of American and Western European traditions of sociolinguistics and linguistic anthropology, as well as the strands of discourse analysis that integrate the former and/or the latter into their theoretical framework. Such contemporary schools of thought are represented, among others, by Michael Silverstein, Penelope Eckert, and Asif Agha in the USA, by Mary Bucholtz, Kira Hall, and Nikolas Coupland in the UK, by Jan Blommaert in the Netherlands, and by Jürgen Spitzmüller and Barbara Soukup in Austria. The topics and concepts discussed in the article include social indexicality of linguistic signs, enacting social relations between speakers, ethno-metapragmatics, and (social) styles. We begin with an overview of the ‘third wave’ of sociolinguistics, which has been focused on exploring linguistic variation as a medium used by individuals or groups for evoking or (re)constructing the ‘social world’. It is discussed how sociality is being enacted by individuals, how semiotic ties are set between a linguistic sign and social value, how persistent social attribution is created, and how all these phenomena can be explored through analysis of indexical tokens and types. Indexicality is seen here as the capacity of a (linguistic) sign to ‘point to’ a variable of the context of its usage. Social indexicality is thus seen as evoking such social value as forms of identity and communicative roles and social relations drawing on these forms. An overview of the history of sociolinguistics also serves to illustrate the transformation of views on agentivity, identity, and linguistic/semiotic objects: from the static view of identity as predefined by the social structure and (passively) projected through various semiotic media, including language, to a more perforative contemporary view of identity as (creatively) stylized in social encounters. It is further contended that a crucial prerequisite for such stylization is the malleability and mutability of social/indexical meanings, with so-called ethno-metapragmatics — reflexive activity targeting said meanings and signs carrying them — being the process driving the change. Finally, we show how these theories and methods can be traced to ideas expressed by Russian/Soviet scholars of early and mid twentieth century.

Keywords: sociolinguistics third wave, social indexicality, metapragmatics, ethnometapragmatics, sociostyle.

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project number 20-112-50208.

References

- Бахтин 2000 — Bakhtin M. M. Problems of Dostoyevsky's Art [1929]. In: *M. M. Bakhtin. Sobranie Sochinenii*. V 7 tomah. Tom 2. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o Tolstom. Zapisi kursa lektsii po istorii russkoi literatury. Moscow: Russkie Slovarei, 2000. P. 5–175. (In Russian)
- Богин 1995 — Bogin G. I. Intentionality as Directed Reflexivity. In.: *Mysli o mysliaxh. T. III: Intellektual'nye sistemy: osvoenie i razvitie. Ch. 2: Semioticheskie struktury myshleniia*. Novosibirsk, 1995. P. 86–102. (In Russian)
- Вахтин, Головки 2004 — Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sociolinguistics and the Sociology of Language. A Reader*. St Petersburg: Gumanitarnaia akademiia, 2004. (In Russian)
- Волошинов 2000 — Волошинов В. Н. The word in life and the word in poetry: on questions of sociological poetics [1926]. In: *M. Bakhtin (pod maskoi). Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiiazyka. Stat'i*. Moscow: Labirint Publ., 2000. P. 72–94. (In Russian)
- Выготский 1983 — Vygotskii L. S. The Problem of the Development of the Mind In: *Sobranie sochinenii*. V 6 tomah. Tom 3. Moscow: Pedagogika Publ., 1983. (In Russian)
- Молодыченко 2017 — Molodychenko E. N. Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Textual Analysis. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2017, 8 (3): 122–133. (In Russian)
- Молодыченко 2020 — Molodychenko E. N. Metasemiotic Projects and Lifestyle Media: Formulating Commodities as Resources for Identity Enactment. *Russian Journal of Linguistics*. 2020, 24 (1): 117–136. (In Russian)
- Чернявская 2020 — Chernyavskaya V. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 1 (17). P. 135–147. (In Russian)
- Щедровицкий 2005 — Shchedrovitsky G. P. *Thinking, understanding, reflection*. Moscow: Nasledie MMK Publ., 2005. (In Russian)
- Agha 2007 — Agha A. 2007. *Language and Social Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Agha 2011 — Agha A. Commodity Registers. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2011, 21 (1): 22–53.
- Bell 2016 — Bell A. Succeeding waves: Seeking sociolinguistic theory for the twenty-first century. In: *Sociolinguistics: Theoretical debates*. Coupland N. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 391–416.
- Blommaert 2005 — Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Blommaert 2010 — Blommaert J. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Blommaert 2015 — Blommaert J. Meaning as a Nonlinear Effect: The Birth of Cool. *AILA Review*. 2015, (28): 7–27. <https://doi.org/10.1075/aila.28.01blo>
- Blommaert, De Fina 2017 — Blommaert J., De Fina A. Chronotopic Identities: On the Timespace Organization of Who We Are. In: *Diversity and Super-diversity. Sociocultural Linguistic Perspectives*. De Fina A., Wegner J., Ikitoglu D. (eds) Washington: Georgetown University Press, 2017.
- Bucholtz, Hall 2005 — Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach. *Discourse Studies*. 2005, 7 (4–5): 585–614. <https://doi.org/10.1177/1461445605054407>
- Bucholtz, Hall 2006 — Bucholtz M., Hall K. Language and Identity. In: *A Companion to Linguistic Anthropology*. Duranti A. (ed.). Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 369–394.
- Bucholtz, Hall 2008 — Bucholtz M., Hall K. All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics. *Journal of Sociolinguistics*. 2008, 12 (4): 401–431.
- Bucholtz, Hall 2011 — Sociolinguistics and linguistic anthropology: Strengthening the connections. Bucholtz M., Hall K. (eds). *Special issue of Journal of Sociolinguistics*. 2011, 12 (4): 401–545.
- Chernyavskaya, Nefedov 2021 — Chernyavskaya V. E., Nefedov S. T. Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? In: *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2021, (46): 1–21.
- Collins 2011 — Collins J. Indexicalities of language contact in an era of globalisation: Engaging with John Gumperz's legacy. *Text & Talk*. (In Honour of John Gumperz. Special issue.) 2011, 31 (4): 407–428.

- Coupland 2007 — Coupland N. *Style: Language variation and identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Coupland, Jaworski 2009 — Coupland N., Jaworski A. (eds). *The New Sociolinguistics Reader*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Crystal, Crystal 2015 — Crystal D., Crystal B. *You Say Potato: The Story of English Accents*. London: Pan Macmillan, 2015.
- Chernyavskaya 2020 — Chernyavskaya V. Misplaced in contexts, lost in meaning. Context Change as a Cause for Social Misunderstandings: The Case of Kaliningrad and Königsberg. *Zeitschrift für Slavistik*. 2020, 65 (4): 569–584.
- Duranti 2003 — Duranti A. Language as culture in US anthropology. *Current Anthropology*. 2003, (44): 323–347.
- Eckert 2008 — Eckert P. Variation and the Indexical Field. *Journal of Sociolinguistics*. 2008, 12 (4): 453–476. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2008.00374.x>
- Eckert 2012 — Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation. *Annual Review of Anthropology*. 2012, 41 (1): 87–100. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092611-145828>
- Eckert 2018 — Eckert P. *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Eckert, Labov 2017 — Eckert P., Labov W. Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*. 2017, 21 (4): 467–496.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. Kroskrity P. V. (ed.). *Regimes of Language*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
- Jakobson 1960 — Jakobson R. Closing statement: linguistics and poetics. In: *Style in Language*. Sebeok T. A. (ed.). Cambridge: MIT Press, 1960. P. 350–377.
- Jakobson 1980 — Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem. *The Framework of Language*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1980. P. 81–92. (First publ. 1957.)
- Kecskes 2012 — Kecskes I. Sociopragmatics and cross-cultural and intercultural studies. In: *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Allan K., Jaszczolt K. M. (eds). Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 599–616.
- Kroskrity 2000 — Kroskrity P. V. Language Ideologies in the Expression and Representation of Arizona Tewa Ethnic Identity. In: *Regimes of Language*. Kroskrity P. V. (ed.). Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 329–359.
- Kroskrity 2006 — Kroskrity P. V. *Language Ideologies. A Companion to Linguistic Anthropology*. Duranti A. (ed.). Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2006. P. 496–517.
- Labov 1972 — Labov W. *Sociolinguistic Pattern*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
- Molodychenko 2019 — Molodychenko E. N. “Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija*. 2019, (59): 67–86. <https://doi.org/10.17223/19986645/59/5>
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description. In: Keith H. Basso & Henry A. Selby (eds.). *Meaning in Anthropology*. Basso K. H., Selby H. A. (eds). Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976. P. 11–55.
- Silverstein 1979 — Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology. In: *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Clyne P. R., Hanks W. F., Hofbauer C. L. (eds). Chicago: Chicago Linguistic Society: 1979. P. 193–247.
- Silverstein 1993 — Silverstein M. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function. In: *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Lucy J. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 33–58.
- Silverstein 2001 — Silverstein M. The Limits of Awareness. In: *Linguistic Anthropology: A Reader*. Duranti A. (ed.). Oxford: Blackwell, 2001. P. 386–401.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life. *Words and Beyond: Linguistic and Semiotic Studies of Sociocultural Order*. 2003, 23 (3): 193–229. [https://doi.org/10.1016/S0271-5309\(03\)00013-2](https://doi.org/10.1016/S0271-5309(03)00013-2)
- Soukup 2013 — Soukup B. Austrian dialect as a metonymic device: A cognitive sociolinguistic investigation of Speaker Design and its perceptual implications. *Journal of Pragmatics*. 2013, (52): 72–82.

- Spitzmüller 2013 — Spitzmüller J. Metapragmatik, Indexikalität, soziale Registrierung. Zur diskursiven Konstruktion sprachideologischer Positionen. *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2013, (3): 263–287.
- Spitzmüller 2015 — Spitzmüller J. Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach. *Social Semiotics*. 2015, 25 (2): 126–141.
- Stryker, Burke 2000 — Stryker Sh., Burke P.J. The Past, Present, and Future of an Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*. 2000, 63 (4): 284–297. <https://doi.org/10.2307/2695840>
- Tannen 2004 — Tannen D. Interactional sociolinguistics/Interaktionale Soziolinguistik. In: *Sociolinguistics/Soziolinguistik*. Vol. 1. Ammon U., Dittmar N., Mattheier K.J., Trudgill P. (eds). New York; Berlin: Walter de Gruyter. 2004. P.76–88.
- Vygotsky 1978 — Vygotsky L. S. *Mind in Society. The Development of higher psychological processes*. Cambridge: Harvard University Press. 1978.

Received: January 24, 2020
Accepted: November 29, 2021